

ВЕРА РУДЕЦКАЯ  
ЕВА ВАЛЕТТИ

**НЯНЯ** для девочки  
**В ЛОВУШКЕ**  
чудовища

Ева Валетти

**Няня для девочки в  
ловушке чудовища**

«Автор»

2026

**Валетти Е.**

Няня для девочки в ловушке чудовища / Е. Валетти — «Автор», 2026

Я простая учительница начальных классов, но ради семьи готова на всё. Мой последний шанс — собеседование у владельца крупной компании, который ищет няню для дочери. Он предлагает зарплату, о которой я не смела мечтать. Я соглашаюсь... и попадаю в ловушку. Контракт обязывает меня немедленно переехать в Стамбул, в его дом, откуда он, по какой-то причине, не собирается меня отпускать. Он пугающе привлекательный, опасный и явно хранит тайну, связанную с миром, куда мне лучше бы не заглядывать. Но самое страшное — я уже не уверена, что хочу от него бежать. Обложка: Яна Воронова

© Валетти Е., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 6  |
| Глава 2                           | 9  |
| Глава 3                           | 11 |
| Глава 4                           | 13 |
| Глава 5                           | 16 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 17 |

# **Вера Рудецкая, Ева Валетти**

## **Няня для девочки в ловушке чудовища**

## Глава 1

На улице невыносимо. Июльское солнце раскаляет воздух, превращая его в жидкое пекло, и плавит асфальт под моими каблуками. Кажется, я слышу, как шипят подошвы, но, наверное, это просто звон в ушах от жары и голода.

Сейчас четыре часа дня, а я уже прошла три собеседования. Каждое было хуже предыдущего, и теперь я шагаю на последнее, совсем не веря в успех. Идти больше нет сил: ноги гудят, желудок сводит, а духота добивает. Порой Москва в июле – это отдельный вид спорта.

Я поднимаю голову, чтобы рассмотреть вывеску: «Золотой Век. Логистика». Я даже не могу без запинки произнести полное имя руководителя – Денис Денисович Демир. Но это мой последний шанс. После того как бывший сбегал с моими накоплениями, надеяться мне не на кого. Пришлось уволиться из школы, где я учила первоклашек, – зарплата начинающего преподавателя была смешной, а деньги нужны здесь и сейчас.

Огромная, внушительная дверь офиса распахивается, и я, наконец, оказываюсь в прохладе. Это так неопишимо и желанно, что я на секунду зажмуриваюсь, впитывая каждой клеточкой кожи холод. Наверное, стоило прийти сюда только ради этого момента.

Здесь всё кажется жутко дорогим. Минимализм, дизайнерская мебель, стеклянные стены. Очень красиво. Наверное, хозяин этого места богат.

Пока я стою, обмахиваясь, на меня обращает внимание девушка за стойкой.

– Доброе утро, – приветствует меня она. – Вы на собеседование?

– Да, спасибо, – мой ответ звучит едва слышно. Внешне я, может, и выгляжу прилично, но внутри меня настоящий хаос. Сегодня утром я особенно тщательно подбирала одежду – мне нужен был хоть какой-то импульс уверенности. Я надеялась, что к этому моменту уже окажусь в хорошей семье, но каждое собеседование – хуже предыдущего.

Дом первой семьи – сущий бедлам, и они явно рассчитывают, что именно няня всё это будет убирать. У второй семьи дети – настоящие сорванцы, успевшие распугать трёх нянь за две недели. Третье собеседование – ещё интересней. Мать не пришла из-за работы, а отец весьма недвусмысленно дал понять, что рассчитывает на «особое внимание», если возьмёт меня.

После этого я серьёзно думаю, подходит ли мне вообще профессия няни.

– Денис Денисович лично разговаривает с претендентками, ведь это касается его дочери, сами понимаете, – говорит девушка, а я киваю. Соглашусь с чем угодно, лишь бы ещё немного побыть в прохладе. Какое счастье, что я живу ни где-нибудь на востоке, где жара ещё более нещадная и затяжная.

– Конечно, – соглашаюсь я.

Девушка склоняет голову, изучая меня, пытаюсь понять, кто перед ней. Я нервно тереблю край жилетки, надетой поверх сарафана, чтобы выглядеть более уместно для визита в офис.

Кивнув, она берёт папку из верхней стопки и раскрывает её. Быстро пробежав глазами, улыбается.

– Значит, смотрите. Девочке шесть лет, и у неё есть проблемы. Она не разговаривает. Ещё и поэтому сложно найти подходящую няню.

У меня сжимается сердце. Мне всегда очень жалко деток. Из-за своей любви к ним я и пошла учиться в пед.

– О ней заботилась бабушка, но теперь она уже не справляется – не из-за проблем Машеньки, а потому что сама болеет. Денис Денисович решил найти няню.

– А что насчёт её мамы? – спрашиваю я.

Она листает бумаги и отвечает:

– К сожалению, она давно умерла.

– О, ясно, – вздыхаю я. Кто, если не я, может лучше понять ребёнка, у которого мама умерла, не успев вырастить дочь.

Может, это судьба?

После инструктажа девушка направляет меня в кабинет её босса. И через десять минут я уже стою в приёмной, ожидая, когда меня примут.

И вот дверь распахивается, и я вижу его.

Я даже не сразу понимаю, что это Денис Денисович. Его фотографии в анкете были такими нечёткими, что я не могла рассмотреть лицо, но вот теперь вижу во всей красе. Высокий, мускулистый мужчина, одетый в дорогую, идеально сидящую рубашку. Тёмные, почти чёрные волосы, коротко подстриженная борода. И глаза... Тёмные, словно бездонные колодцы. Я теряюсь. Не понимаю, кто он по национальности. Восточная внешность, но не азиатская. Может, он с Кавказа? Или?..

Тёмный взгляд скользит по мне сверху вниз, и я чувствую, как вспыхивает кожа, когда его глаза задерживаются на вырезе. Он что-то бормочет, но я не понимаю на каком языке. Я торопливо сдвигаю на груди края жилетки, понимая, что он не сводит с меня глаз. Когда я снова поднимаю голову, его губы трогает усмешка, делающая его ещё привлекательнее.

Невероятно притягательно лицо, но в его улыбке меня что-то пугает, заставляет интуицию кричать, бить тревогу.

Мне бы убежать ещё тогда, а лучше бы и вовсе никогда не приходить, но всё случается так, как случается.

– Ольга Андреева? – спрашивает он бархатным голосом с акцентом.

Я киваю.

– Садитесь.

И я сажусь, ставя этим жирную точку на своей прежней понятной жизни.

\*\*\*

Он опускается в кресло напротив по диагонали. Его ноги настолько длинные, что касаются моих.

– Я Денис Демир, – он протягивает руку.

– Ольга Андреева, – отвечаю я, и голос предательски дрожит, когда он поднимает мою руку к губам вместо рукопожатия.

Задержав губы на моей коже дольше, чем следовало, он, наконец, отпускает меня. Но эти короткие несколько секунд кажутся вечностью, а пальцы начинают заметно подрагивать. А что, если он станет меня домогаться... Щёки окончательно становятся пунцовыми.

– Спасибо, что согласились встретиться так быстро. – говорит он.

– Нет проблем. У меня сегодня уже было несколько встреч.

– Итак. Недавно выяснилось, что у моей мамы большое сердце, и теперь она не может уделять Маше достаточно времени. К сожалению, ей нужна операция. Поэтому найти няню нужно срочно.

Его глаза смягчаются, когда он говорит о матери и дочери, и он становится ещё привлекательнее. Я мысленно встряхиваюсь, пытаюсь преодолеть притяжение.

– Мне жаль, что у вас такое случилось.

– Спасибо. – Он снова улыбается и переходит к делу. – Секретарша отобрала ваше резюме. Ей особенно понравилось, что вы учительница начальных классов, а Маше скоро в школу. Почему вы уволились?

Я решаю говорить как есть. Мне представляется маловероятным, что я получу эту работу, однако начинать с обмана вовсе не хочется.

– Дело в том... Мне очень нужны деньги, – говорю я. – Моя тётя больна, и ей требуется лечение. А сестра на первом курсе, и кроме меня оплатить обучение некому.

Он кивает.

– Почему именно няня?

– Я люблю детей, – выпаливаю я. – Ещё с университета подрабатывала няней, так что опыт есть.

– Вы мне подходите, – внезапно говорит он.

У меня отвисает челюсть.

– Но... вот так сразу? Разве не надо...

– Я привык делать то, что считаю нужным. – Он перебивает меня и улыбается. В его тоне слышится и сталь, и шутка – непонятно, рад он моему сомнению или лучше так больше не делать. – Но, разумеется, ваши документы проверят.

– Ясно... – я всё ещё растеряна.

– Я хотел бы, чтобы вы завтра пришли познакомиться с Машей, – продолжает он.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

– А потом, если всё сложится, я хочу, чтобы вы переехали к нам.

– Переехать? – я ахаю. – Я не знала, что должна переехать.

– Теперь – знаете. – Видимо, моё удивление написано на лице. – Я ожидаю, что вы будете всегда рядом с моей дочерью. Оплата два раза в месяц по двести тысяч рублей плюс бонусы.

Я в шоке. Я ждала, что он будет торговаться, что будет задавать кучу вопросов. Но нет. Он просто берёт меня на работу. Ещё и предлагает такую зарплату, что покроет все наши нужды, ещё и останется. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я, конечно, нуждаюсь в деньгах, но я не дура. Я подозреваю, что есть какой-то подвох. Интуиция кричит, чтобы я бежала отсюда, но разум, измученный долгами и проблемами, убеждает меня, что это мой единственный шанс. Я должна воспользоваться.

И я киваю, соглашаясь.

Денис Денисович протягивает толстую, внушительную папку с документами. Контракт. Я беру его, быстро пробегаю глазами по строчкам. Читаю невнимательно – в голове только цифры: четыреста тысяч в месяц плюс бонусы. Всё как в тумане. Кажется, в контракте всё красиво и гладко. А если и нет, то я просто не готова этого увидеть. Мне нужно только подписать – и наша маленькая семья спасена. Я беру ручку, ставлю подпись и возвращаю новому боссу папку. Он улыбается, и эта улыбка больше не кажется мне дружелюбной, в ней я вижу торжество.

– У вас есть загранпаспорт, Ольга? Мой самолёт готов лететь в любой день.

Я не понимаю.

– Куда лететь?

– В Стамбул. Мой основной дом находится там.

Тело словно пронзает током. Стамбул? Я не рассчитывала на это. Это не просто работа, это другая страна, другой язык, другая культура. Мне придётся оставить тётю и сестру одних. Я не готова к такому, я хочу остаться дома. Я должна немедленно расторгнуть договор. Я начинаю нервно перебирать пальцами, ищу пути к отступлению.

– Но я не могу лететь в Стамбул, – говорю я. – Я не знала... Давайте отменим всё, пока не поздно. Любая няня будет рада поехать с вами, но я не могу.

Но в глазах Дениса Денисовича я вижу – он не собирается меня отпускать. Он уже решил. Я не могу отказаться.

– Если вы готовы выплатить неустойку... – говорит он. – Миллион.

Я чувствую себя загнанной в ловушку. Я только что подписала свою судьбу и не знаю, что меня ждёт.

## Глава 2

Утро не приносит облегчения. Я просыпаюсь с ощущением, будто и не спала вовсе: тело ломит от напряжения, а в голове тяжёлым роем кружатся вчерашние мысли.

За окном нависают свинцовые тучи, наэлектризованный воздух давит на плечи. Кажется, вот-вот грянет гроза, и эта душная, липкая атмосфера в точности отражает моё состояние.

Пока автобус несёт меня к дому нового босса, я тщетно пытаюсь собрать обрывки вчерашнего вечера. Собственная опрометчивость отзывается во рту горьким привкусом: как я могла подписать контракт, не вчитавшись в каждую строчку?

Но хуже всего – объяснение с тётей и Настей. Говорить, что уезжаю на год в Стамбул, и видеть, как по лицу сестры катятся слёзы, а в глазах тёти застывает боль. Я чувствую себя предательницей, но пути назад уже нет. Документ подписан.

Мне не хочется ехать. Не хочется снова видеть Дениса Демира – мужчину, который за один вечер перевернул всю мою жизнь. Я злюсь на себя за смятение, что вчера охватило меня под его пристальным взглядом. Страх и странное, необъяснимое притяжение, сплелись воедино в тот миг, когда я его увидела.

Вот и дом. В лучах полуденного солнца он кажется ещё более внушительным, чем офис. Я медленно шагаю по дорожке, и сердце бешено стучит в груди. К страху перед Демиром пришивается тревога: что, если я не понравлюсь Маше? Не смогу найти к ней подход?

Собравшись с духом, я заносу руку к звонку, но тяжёлая дверь бесшумно распахивается сама. На пороге стоит он. В его тёмных глазах мелькает что-то, отчего по спине пробегает холодок. Он улыбается, и я отчётливо понимаю, что попалась.

– Я ждал тебя, Айла, – произносит он низким, властным голосом. – Заходи.

Дениз

Я смотрю на неё, на её испуганные глаза, неотрывно следящие за каждым моим движением. Она сидит напротив, и я отчётливо понимаю: эта женщина будет моей. Её наивность и чистота – именно то, что меня притягивает. В ней нет той фальши, что я привык видеть в других. Она – настоящая.

Я вижу, как она борется с эмоциями. Как смущена, как отчаянно боится. Часть меня хочет её успокоить, но другая – наслаждается этой реакцией.

– Мне жаль, что переезд так сильно вас расстроил, Ольга, – говорю я, хотя во мне нет ни капли сожаления. Я привык брать то, что хочу. – Но обещаю, вам понравится в Турции.

Она молчит. Я знаю, о чём она думает: что я сумасшедший, что я обманул её. И это правда. Я намеренно умолчал о переезде до подписания контракта. Я хотел, чтобы у неё не осталось выбора.

– Я понимаю ваш страх, – продолжаю я, замечая, как она вздрагивает от моего голоса. – Но вы будете в полной безопасности. Со мной живут мама и Маша.

На её губах мелькает слабая, растерянная улыбка. Кажется, она готова поверить. В её глазах плещется надежда, за которую она отчаянно цепляется. Я улыбаюсь в ответ.

– Я буду называть вас Айла, – говорю я. – Это имя означает «лунный свет». Оно вам удивительно подходит.

Она смотрит на меня в замешательстве.

– Но... моё имя Ольга, – голос дрожит. – Я не хочу...

Я не собираюсь это обсуждать.

– Я сказал: тебя будут звать Айла, – мой тон становится твёрже, и я намеренно перехожу на «ты». – А меня называй Дениз. Это моё настоящее имя.

– Тогда... – она растерянно моргает.

– Моя мать русская, – коротко поясняю я. – Поэтому я свободно говорю по-русски, и в московском офисе меня многие знают под русским именем.

Я замечаю, как она опускает плечи, будто сжимается под тяжестью моих слов.

– Хорошо, Дениз, – тихо произносит она.

– Рад, что мы поняли друг друга, – киваю я. – Пойдём. Я познакомлю тебя с дочерью. Мы зовём её Маша, но имя по документам – Мерьем.

Я встаю и протягиваю ей руку. Она колеблется всего секунду, прежде чем вложить свою ладонь в мою. Я ощущаю её мягкое, тёплое прикосновение и веду её за собой, осознавая, что больше никогда не отпущу.

\*\*\*

Спустя две недели шасси самолёта мягко касаются взлётной полосы стамбульского аэропорта. Я отворачиваюсь от иллюминатора, чтобы взглянуть на моих спутниц. Мерьем безмятежно спит на коленях у Айлы, доверчиво уткнувшись носом ей в плечо. Глядя на эту картину, я чувствую, что сделал единственно верный выбор.

Мы спускаемся по трапу. Я жду момента, когда она сделает первый шаг на мою землю. Вот её туфли касаются асфальта. В этот самый миг я оказываюсь рядом.

– Добро пожаловать в Истанбул, Айла.

## Глава 3

Дениз забирает у меня Машу, и мы идём по раскалённому асфальту лётного поля. Впереди – двое мужчин в идеально сидящих костюмах, застывшие у громадного чёрного седана, похожего на броневик. Их лица не выражают ничего, кроме предельной концентрации. Охрана. Настоящая, не для вида. От этой мысли по спине пробегает холодок, несмотря на удушающую жару.

Я не могу отвести взгляда от того, как осторожно его большие, сильные руки обнимают хрупкое тельце дочери. Тот самый Дениз, что заманил меня в ловушку хитро составленным контрактом, сейчас смотрит на свою дочь с такой безграничной нежностью, что у меня перехватывает дыхание. Его суровое лицо смягчается, в тёмных глазах плещется светлая, чистая любовь.

Монстр и отец. Хищник и защитник. Как эти две сущности уживаются в одном человеке? Этот контраст сбивает с толку, лишает опоры. И именно он заставляет меня вспомнить тот день, когда я впервые увидела его таким. День, когда я познакомилась с Машей.

Ещё одна гостиная на втором этаже его московского дома казалась стерильной, как операционная. Я сидела на краешке белоснежного дивана, боясь оставить на нём вмятину, и нервно теребила ремешок сумки. Дениз оставил меня одну, бросив на прощание: «Она сейчас придёт».

Я ждала, и сердце колотилось где-то в горле. Что я скажу девочке, которая не говорит? Как найти к ней подход? Что, если я ей не понравлюсь?

Дверь тихо скрипнула, и на пороге появилась она. Маленькая, тоненькая, в простом светлом платье. Светленькая, совсем не похожа на отца. И глаза. Огромные, голубые глаза. Два омуты, в которых утонула вся детская радость. Она смотрела на меня без страха, но с глубокой, вселенской печалью.

Все заготовленные фразы, все педагогические приёмы вылетели у меня из головы. Я вдруг поняла, что слова здесь не нужны. Я медленно опустилась на мягкий ковёр, сев по-турецки, и достала из сумки маленького резинового ёжика – игрушку-антистресс, которую всегда носила с собой. Не говоря ни слова, я начала перекачивать его в ладонях.

Маша наблюдала за мной, слегка наклонив голову. Прошла минута, другая. Затем она подошла совсем близко и села напротив меня. Из-за спины она достала старую, выдавшую виды куклу с одним пуговичным глазом и протянула её мне.

Это было приглашение. Пароль.

Я улыбнулась так искренне, как не улыбалась уже очень давно. Взяла куклу, осторожно погладила её по спутанным волосам и «познакомила» с моим ёжиком. Мы сидели на полу этой роскошной, бездушной комнаты и играли в полной тишине. И эта тишина была наполнена большим смыслом, чем тысячи слов. В ней рождалось доверие. Хрупкое, как крыло бабочки.

Я не сразу почувствовала его взгляд. Но потом кожу на затылке начало покалывать. Я подняла голову и увидела Дениза, стоявшего в дверном проёме. Он прислонился к косяку, скрестив руки на груди, и молча смотрел на нас. На его лице не было ни умиления, ни радости. Было лишь то самое выражение, которое я видела сейчас, здесь, на лётном поле – выражение хищника, который убедился, что его детёнышу ничего не угрожает. Но вместе с тем в его взгляде читалось и другое: мрачное удовлетворение собственника, нашедшего именно ту вещь, которую искал.

И мне стало по-настоящему страшно.

Воспоминания тают, как мираж, от резкого щелчка закрывающейся автомобильной двери. Он отрезает меня от знойного воздуха, от звуков аэропорта, от всего внешнего мира. Я

оказываюсь в прохладной тишине кожаного салона, в герметичной капсуле, несущейся в неизвестность.

Маша у меня на коленях. Она просыпается ровно на секунду, чтобы убедиться, что я рядом, и тут же снова засыпает, доверчиво устроив голову у меня на груди. Её тёплое дыхание – единственный островок спокойствия в бушующем море моего страха.

Машина плавно трогается с места. За толстыми тонированными стёклами проплывает ночной Стамбул. Миллионы огней, вереницы машин, силуэты древних мечетей на фоне тёмно-синего неба. Город живёт, дышит, манит своей тайной. Но для меня он – лишь картинка в окне. Яркая, красивая и абсолютно недоступная. Я чувствую себя редкой бабочкой в стеклянной банке, которую везут в коллекцию.

Дениз сидит рядом. Он не говорит ни слова, но то и дело поворачивает голову и смотрит на меня своим тёмным, пронзительным взглядом, от которого хочется съёжиться. Я невольно крепче прижимаю Машу, пытаюсь защититься от этого всепроникающего взгляда. Жест не ускользает от его внимания.

Он молча снимает свой идеально скроенный пиджак.

– Наклонись, – его голос – тихий шёпот у самого уха, но звучит как приказ, которого невозможно ослушаться. Я неосознанно подчиняюсь, отрывая спину от прохладной кожи кресла, и в следующую секунду тёплая, тяжёлая ткань ложится мне на плечи. Я вздрагиваю. «Зачем он это делает? – страх стучит в висках. – В машине совсем не холодно».

Запах. Он окутывает меня со всех сторон. Дорогой парфюм с нотками сандала и табака, и под ним – его собственный, ни с чем не сравнимый запах власти, уверенности и скрытой угрозы. И самое страшное... самое страшное, что мне хочется закутаться в этот пиджак с головой. Спрятаться в нём от всего мира. И от него самого.

Я поднимаю глаза и встречаюсь с его взглядом. В его зрачках на мгновение вспыхивает огонёк триумфа. Он знает. Знает, какую бурю вызвал во мне этим простым жестом.

Поездка кажется вечностью. Наконец, машина замедляет ход и сворачивает с оживлённой улицы, въезжая в массивные кованые ворота. Они закрываются за нами с глухим, рокошущим стуком, который отдаётся где-то глубоко внутри.

Моему взору предстаёт огромная, современная вилла, утопающая в зелени и мягкой подсветке. Панорамные окна, несколько этажей, бассейн, мерцающий бирюзой в ночи. Красиво до умопомрачения. И страшно до дрожи в коленях.

Дверца машины открывается с тихим щелчком. Дениз выходит первым, а затем обходит машину и забирает Машу. На одно мгновение наши пальцы соприкасаются. Прикосновение обжигает.

В этот миг что-то обрывается внутри. Пока девочка была со мной, у меня была роль. Я – няня. Теперь же, когда он держит дочь, а я стою рядом с его пиджаком на плечах, я теряюсь.

Мы идём по широкой дорожке, выложенной гладким светлым камнем. Ночной воздух густой и тёплый, наполненный пьянящим ароматом цветущих растений и стрекотом цикад. Вилла передо мной – настоящее произведение архитектурного искусства: стекло, камень, многоуровневые террасы, утопающие в зелени. Она прекрасна, как райский сад, и также пугает.

Мы не успеваем дойти даже до середины дорожки, как массивная входная дверь из тёмного дерева распаивается, открывая взгляду залитый светом холл.

И людей, которые нас ждут.

## Глава 4

Шаг за порог – и ночное тепло остаётся за спиной. Меня окутывает прохлада кондиционированного воздуха и гулкая тишина огромного холла. Пол из полированного до блеска мрамора отражает свет от гигантской люстры под высоким потолком. Это место похоже не на дом, а на музей, где каждый экспонат стоит целое состояние.

И я, похоже, новый экспонат.

Все застыли, словно позируя для парадного портрета: три фигуры, от которых по коже бежит мороз.

В центре – женщина лет шестидесяти с идеальной, царственной осанкой. Её лицо могло бы принадлежать снежной королеве – красивое, властное и абсолютно ледяное. Я нутром чувствую: это мать. Хозяйка. Её пронзительные, умные глаза задерживаются на Денизе, на мгновение теплеют при виде спящей Мерьем, а затем впиваются в меня. Взгляд цепляется за тёмную ткань пиджака Дениза на моих плечах, и губы сжимаются в едва заметную, презрительную линию.

Рядом с ней – молодой мужчина. Он похож на Дениза – те же тёмные волосы, высокий рост, – но на этом сходство заканчивается. Черты его лица мягче, а на губах играет тёплая улыбка. Его взгляд, в отличие от материнского, не несёт угрозы. В нём плещется живой, неподдельный интерес и... неожиданное тепло, которое на секунду сбивает с толку.

Третья фигура – сухощавая тень за спиной королевы. Пожилая женщина в строгом тёмном платье. Её лицо – непроницаемая маска, но смотрит она на меня так, будто я – уличная грязь, которую случайно занесли в её безупречно чистый дом.

Я попала в змеиное гнездо, не иначе. И королева-змея смотрит прямо на меня, не мигая. А её сын, мой похититель, стоит рядом так спокойно, будто привёз домой не пленницу, а... редкий, диковинный трофей. Он не пытается меня защитить или как-то сгладить ситуацию. Он просто наблюдает, наслаждаясь произведённым эффектом.

Поодаль в тени, замерли ещё несколько человек – слуги.

Молчание нарушает холодный женский голос. Мать Дениза говорит что-то короткое и резкое по-турецки, глядя на спящую Мерьем. Я не понимаю ни слова, но интонация звучит как упрёк.

Дениз отвечает ей также по-турецки, его тон спокоен, но в нём звенит сталь. Их короткий, напряжённый диалог на чужом для меня языке – ещё одна демонстрация того, насколько я здесь чужая.

Хозяйка дома делает шаг вперёд, протягивая руки к внучке. Её лицо выражает непреклонное право бабушки забрать своего ребёнка. Но Дениз, даже не взглянув на неё, произносит имя служанки:

– Лейла! – и что-то ещё по-турецки.

На долю секунды в воздухе повисает напряжение – две женщины, хозяйка и служанка, тянутся к спящей девочке, но Лейла, услышав приказ хозяина, выигрывает.

Лицо женщины с царственной осанкой застывает, превращаясь в непроницаемую маску, но я вижу, как в глубине её глаз вспыхивает холодное пламя.

Теперь, когда его руки свободны, Дениз встаёт рядом со мной. Так близко, что я чувствую жар его тела даже сквозь ткань костюма и пиджака на моих плечах. Он не смотрит на меня, его взгляд прикован к матери.

– Мама, познакомься, – произносит он медленно, отчётливо по-русски. – Это Айла. Няня Мерьем. Она будет жить с нами.

– Айла, это мама. Дерья ханым.

Тишина сгущается. Его слова похожи на вызов, брошенный в лицо собственной матери. И я – причина этого вызова, его живое знамя.

Мать молчит, но её взгляд говорит всё. И в этот момент, когда я уверена, что сейчас просто задохнусь от напряжения, вперёд выходит мужчина, похожий на Дениза.

Его тёплая улыбка кажется неуместной в ледяной атмосфере. Он игнорирует мрачное лицо брата и каменное – матери. Подходит прямо ко мне, мягко берёт мою свободную руку и, прежде чем я успеваю отреагировать, подносит её к губам для лёгкого, невесомого поцелуя.

– Айла, – его голос бархатный и тёплый, без малейшего намёка на угрозу. – Твоё ли это имя?

Он подмигивает.

– Я Ольга, – еле слышно отвечаю я.

– Добро пожаловать в нашу семью, Оля. Я Эмир, младший брат этого угрюмого типа.

Я в шоке отнимаю руку, кончики пальцев горят от его прикосновения. Краем глаза я вижу Дениза. Он не смотрит на меня. Весь его гнев, вся его мрачная, удушающая аура сейчас направлена на брата. Его лицо превратилось в тёмную грозовую тучу, а желваки заходили под кожей.

Да что же им всем от меня надо?! Господи, как же я хочу домой.

Дениз делает едва заметное движение головой.

– Лейла! – и служанка, которая уже вернулась без Маши, спешит к нам. Потом он говорит что-то на турецком, и я ничего не понимаю.

Лейла берёт мой чемодан и уходит.

– Фатма, – говорит Дерья ханым по-русски пожилой женщине, что стоит с ней рядом, и я впервые слышу её русскую речь. Чистую, правильную, но без малейшей теплоты. – Скажи всем, что ужин через час.

Фатма что-то говорит на турецком, но её никто не слушает.

Затем она подходит ко мне. Её лицо по-прежнему ничего не выражает.

– Прошу, ханым, – говорит она на ломаном русском, и слово «ханым» из её уст звучит как оскорбление.

Она разворачивается, и мне не остаётся ничего другого, кроме как последовать за ней. Я делаю первый шаг к огромной мраморной лестнице и чувствую взгляды спиной. Я не оборачиваюсь.

Мы проходим по длинному коридору второго этажа, ковёр под ногами заглушает наши шаги. Фатма останавливается у одной из дверей и открывает её, отступая в сторону.

Я вхожу и замираю.

Комната огромная. В центре – кровать королевских размеров, застеленная жемчужно-серым шёлком. У стены – элегантный туалетный столик, рядом – мягкие кресла. Но не это заставляет моё сердце остановиться.

Одна из стен полностью стеклянная.

Я выключаю свет, чтобы глянуть, что снаружи.

За стеклом – просторная терраса, а внизу раскинулся ночной Стамбул. Передо мной как на ладони – Босфор – тёмная, живая вода, усыпанная огнями кораблей, мостов и далёких берегов. Вид такой захватывающий, такой нереально красивый, что на глаза наворачиваются слёзы.

Он дал мне самую красивую камеру в своей тюрьме. Чтобы я смотрела на свободу, но никогда не могла до неё дотянуться. Ладно. Ведь это только на один год.

Фатма уходит, тихо прикрыв за собой дверь.

Я остаюсь одна.

За спиной раздаётся тихий щелчок. Дверь открылась и закрылась. Я не оборачиваюсь, думая, что это Фатма или другая служанка принесла мои вещи. У меня нет сил даже на то, чтобы вытереть слёзы. Пусть видят. Мне уже всё равно.

Но проходит несколько секунд, а за спиной по-прежнему тишина. И вдруг я чувствую его.

Я не слышу шагов, но меняется сам воздух в комнате. Он становится плотным, наэлектризованным. Я улавливаю знакомый, терпкий аромат его парфюма. Кожу на затылке начинает покалывать от ощущения тяжёлого взгляда. Сердце замирает, а потом срывается в бешеный галоп. Становится страшно.

Сильные руки ложатся мне на талию, и я вздрагиваю всем телом. Ладони обжигают даже через ткань платья, притягивая к твёрдому, горячему телу.

– Не плачь, Айла, – раздаётся у самого уха низкий, бархатный шёпот.

Прежде чем я успеваю вскрикнуть или вырваться, он резко разворачивает меня к себе. Одна его рука сжимает мой затылок, пальцы властно впиваются в волосы, не давая отвернуться. Другая рука поднимает мой подбородок, заставляя смотреть в его потемневшие глаза.

И он меня целует.

## Глава 5

Его губы жёсткие, требовательные, подчиняющие.

В первое мгновение я цепенею от шока. Это не может происходить на самом деле. Не может этот мужчина, который фактически купил меня, целовать меня в первый же вечер в его доме.

Сознание возвращается резко. Я упираюсь ладонями ему в грудь, пытаюсь оттолкнуть, но это всё равно что толкать каменную стену. Его пальцы только сильнее впиваются в мои волосы, удерживая голову под нужным ему углом. Другая рука скользит на талию, притягивая ближе, не оставляя ни сантиметра между нашими телами.

Я издаю сдавленный звук протеста, и он, наконец, отстраняется. Но не отпускает. Его лицо всё ещё слишком близко, дыхание обжигает кожу. В темноте его глаза кажутся совсем чёрными, бездонными.

– Sen benimsin, – произносит он низким, хриплым голосом.

Я не понимаю слов, но интонация... В ней звучит такая непоколебимая уверенность владельца, что по спине пробегает ледяной озноб.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.